

УДК 81'37
DOI 10.17223/18137083/66/19

А. В. Колмогорова

Сибирский федеральный университет, Красноярск

**Концептуализация нормы в языке:
от психической нормы к норме социальной интеракции
(на примере функционирования
прилагательных «вменяемый» и «невменяемый»)**

Статья посвящена описанию семантики прилагательных *вменяемый* и *невменяемый*, выполняющих в современной русской речевой практике функции классификаторов, детерминирующих позицию субъекта или объекта относительно антропоцентрического концепта *НОРМА*. Приводятся аргументы в пользу тезиса о том, что концепт *НОРМА*, к которому апеллируют данные прилагательные в их современном употреблении в дискурсе масс-медиа и в повседневной бытовой коммуникации, существенно расширил свои границы от идеи о психической норме к нормативным представлениям о социальном взаимодействии членов некоторого коллектива, сообщества. При этом прилагательное *невменяемый* сохраняет тесную семантическую связь с исходным концептуальным признаком, отсылающим к сфере психического, а *вменяемый* обнаруживает тенденцию к ее утрате, все больше приобретая значение маркера оцениваемого позитивно социального взаимодействия. На основе результатов дистрибутивного и контекстного анализа предлагаются варианты семантического описания прилагательных.

Ключевые слова: лексико-семантические варианты значения, индивидуализация, генерализация, современная русская речевая практика, концептуализация нормы и аномалии, лексикографическое описание прилагательных.

Однажды в беседе на радио Я. Кротов задал известному лингвисту, биологу, профессору Санкт-Петербургского государственного университета С. В. Чебанову вопрос о том, как можно отделить науку от лженауки, на что ученый ответил: «Это вопрос того, можно ли вести с представителем лженауки или постнауки вменяемый диалог...» Я. Кротов отреагировал следующим образом: «Меня смущает слово *вменяемый*. Если представитель позитивистской науки захочет меня убить, он попросит дать определение слову *вменяемый*. А слову *вменяемый*

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета (просп. Свободный, 82а, Красноярск, 660041, Россия; nastiakol@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 1
© А. В. Колмогорова, 2019

ни юриспруденция, ни антропология, ни биология не то что не дали определения, а отказываются давать определения»¹.

Можно ли определить значение слова *вменяемый* в обыденном речупотреблении (объектом нашего исследования не является ни один профессиональный дискурс: ни психиатрический, ни юридический) собственно лингвистическими методами? Поиск аргументированного ответа на поставленный таким образом вопрос и составляет цель данной публикации.

1. Постановка проблемы и методология исследования

В силу своей этимологии и первоначального употребления в рамках дискурса права («по своему психическому состоянию способный нести ответственность перед законом за свои действия (офиц.)» [Ожегов, 1987, с. 75]) обсуждаемая признаковая лексема семантически тесно связана с категорией нормы, а посему – и с антонимичным прилагательным *невменяемый*.

Ю. Д. Апресян понимает под нормой в самом общем ее, неспецифическом смысле «либо обычное, не отклоняющееся от среднего положение вещей, либо то положение вещей, которое является *естественным для данной ситуации* (курсив наш. – А. К.) и воспринимается как должное, так что его отсутствие идет в разрез с ожиданиями потенциальных участников ситуации» [Апресян, 2009, с. 519]. Интуитивно понятно, что *вменяемый* обозначает некое объемлемое категорией нормы в отношении человека и человеческого существования положение дел, а *невменяемый* – выходящее за ее пределы. Однако возникает вопрос о том, апеллируют ли оба прилагательных онтологически к одной и той же норме, к одной и той же естественной ситуации, находясь, несомненно, по разные стороны от ее границы?

Н. Д. Арутюнова отмечает, что «человек воспринимает мир избирательно и прежде всего замечает аномальные явления», что обуславливает «сфокусированность сообщений на отклонениях от нормы и стереотипа жизни» [Арутюнова, 1999, с. 76–81], поэтому логично было бы ожидать, что *невменяемый* будет гораздо более частотным прилагательным, нежели его «входящий» в норму антипод. Однако, данные НКРЯ² показывают сравнительно небольшое отличие в частотности употребления данных признаков лексем: для *вменяемый* 220 вхождений, а для *невменяемый* – 282 (для обоих прилагательных были исключены все юридические употребления в контекстах «признан *вменяемым/невменяемым*»). Частотный словарь, созданный по материалам НКРЯ [Ляшевская, Шаров 2009], фиксирует некоторое превосходство прилагательного *невменяемый* над *вменяемый* – 2.4 ipm и 1.5 ipm соответственно, но при этом различие в значении коэффициента вариации *D*, показывающего, насколько равномерно встречается лексема в коллекции текстов, значительно меньше – 85 для *вменяемый* и 90 для *невменяемый* (при максимальном возможном показателе 100), что свидетельствует о достаточно равномерном распределении лексем по текстам корпуса.

Другой источник данных о частотности словоупотребления – сервис Google Books Ngram Viewer³ (рис. 1). Согласно его статистике, частотность употребления *вменяемый* в электронных изданиях из коллекции Google Books неуклонно растет, обгоняя при этом показатели прилагательного *невменяемый*. Если частотность *невменяемый* может быть объяснима стремлением фиксировать аномалии, то час-

¹ Чебанов С. В. Бог и жизнь: Беседа Я. Кротова с д-ром филол. наук, биологом, микробиологом С. В. Чебановым // Радио «Свобода». 2016. 24 дек. URL: <http://www.svoboda.org/a/28191526.html>

² Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

³ Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams>

тотность его антонима наводит на мысль о наличии у последнего некой категоризирующей функции.

Рис. 1. Динамика частотности употребления прилагательных *вменяемый* и *невменяемый* в коллекции изданий Google Books в период с 1800 по 2017 г.

по данным Google Books Ngram Viewer
 Fig. 1. Trends in *vmenyayemyy* and *nevmenyayemyy* ngrams from 1800 to 2017 according to Google Books Ngram Viewer

Исходя из наблюдений за употреблением двух обсуждаемых лексем в речевой практике носителей русского языка, в рамках данной частной лингвистической работы мы поставили следующие исследовательские вопросы:

- Соотносят ли *невменяемый/вменяемый* характеризуемого ими субъекта с одной и той же нормативной ситуацией?
- Почему, несмотря на общий принцип выделенности аномалии по сравнению с нормой в языковой картине мира, оба прилагательных обнаруживают частотность если не одного порядка, то, по крайней мере, близкую?
- По какой причине именно семантика прилагательного *вменяемый* в обыденной повседневной речи вызывает «интерпретативные сомнения» носителей языка? Сравните, например, реакции на сайте Ответы.mail.ru: *А «вменяемый» – это на самом деле хорошо?! Мне щас сказали... а я думала – ругательство; Вменяемый пацан – это что значит?*⁴

В качестве материала исследования послужила выборка из 220 употреблений для прилагательного *вменяемый* и 282 – *невменяемый* из основного подкорпуса НКРЯ, по 50 примеров для каждого прилагательного из интернет-источников, а также данные о частотности тех или иных словоформ на основе русского корпуса Google Books (590 тыс. текстов русских книг, более 67 млрд словоупотреблений)⁵ с использованием сервиса Google Books Ngram Viewer (подробное описание функционала которого дано в [Масевич, Захаров, 2016]).

Для обработки и классификации языковых данных применялись такие виды анализа, как дистрибутивный, контекстный, семантический, а также элементы когнитивного моделирования с опорой на концепцию психосистематики языка Г. Гийома.

Применяя дистрибутивную методiku описания синтагматических связей слов, мы, вслед за И. М. Кобозевой [2007, с. 148–155], основывались на допущениях: а) что мы умеем относить каждое слово фразы к одному из выделенных в данном языке классов слов и знаем служебные элементы; б) что мы умеем устанавливать в любой правильной форме все синтаксические связи слов. Таким образом, для

⁴ <https://otvet.mail.ru/>

⁵ <https://books.google.com>

каждой из признаковых лексем были описаны несколько наиболее частотных дистрибутивных типов, хотя их перечень далеко не исчерпан.

2. Результаты и их обсуждение

2.1. Лексическая дистрибуция прилагательного *невменяемый*. Обсуждаемое прилагательное, как показывают наблюдения за корпусом, встречается в пяти основных дистрибутивных типах употреблений:

1(а). N_{им.} V_{связка} неменяемый⁶

Я все те дни была совсем неменяемая... просто совсем... (В. Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный (2000). – НКРЯ).

1(б). N_{им.нуль-связка} неменяемый

Мужики видят, что я какой-то неменяемый, оглядываюсь, губами что-то шевелю (А. Сотников. Монах-десантник, или К Богу через бесов (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003, 21 июля. – НКРЯ).

1(в). N_{им.нуль-связка} неменяемый N_{им.}

Выходит, по-вашему, президент банка эдакий неменяемый рубака (С. Данилюк. Рублевая зона (2004). – НКРЯ).

2. N_{им.} V_{бытийный} в неменяемом состоянии

Не менее вероятно, что убийца находился в неменяемом состоянии... (Л. Юзефович. Князь ветра (2001). – НКРЯ).

3. N_{им.} V, как /будто/точно/ словно неменяемый/-ая

Семеновна стояла над ней и бубнила, словно неменяемая, одно и то же (Б. Окуджава. Упраздненный театр. – НКРЯ).

4. N_{им.} V_{иметь} неменяемый вид / неменяемого вида N_(им., род., вин., дат., твор., предл.)

Он был худ, в длинной щетине или в редкой бородке, бледен желтушным оттенком и вид имел самый неменяемый (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого (Путешествие в седьмую сторону света) // Новый мир, 2000. – НКРЯ).

5. N неменяемый_(род., вин., дат., твор., предл.) / неменяемый N_(род., вин., дат., твор., предл.)

Поняв, по-видимому, что имеет дело с неменяемым человеком, Крыся смешила тон на ласковый (Н. Дежнев. Принцип неопределенности (2009). – НКРЯ).

Общей характеристикой первых четырех дистрибутивных типов является использование в позиции N одушевленных существительных с семой 'человек' либо замещающих их соответствующих местоимений. Только в типе 5 допустимо употребление в позиции N собирательного или абстрактного существительного (*народ, мир*) либо существительных, обозначающих внешние проявления человеческого поведения (*голос, взгляд, крик*).

При анализе частотных биграмм видно (рис. 2), что наибольшую частотность имеет биграмма *невменяемом состоянии*, соответствующая дистрибутивному типу 2.

Такая частотная коллокация подчеркивает временный характер предикации: по сравнению с *быть неменяемым* коллокация *находиться / быть в неменяемом состоянии* часто сопровождается указанием на причину, каузатор такого состояния – под влиянием наркотиков, выпитого алкоголя, что подразумевает его переход в «норму» в случае прекращения действия каузатора.

⁶ N – имя существительное, V – глагол.

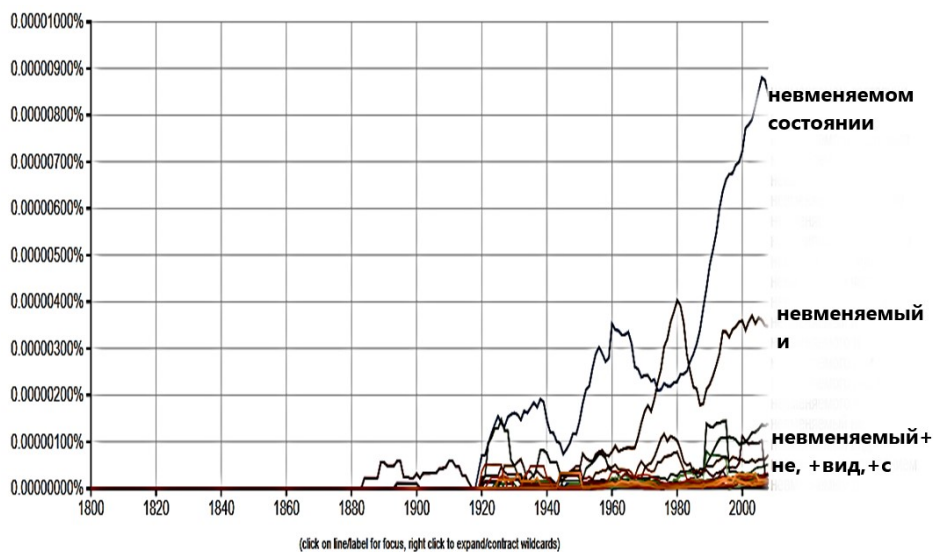

Рис. 2. Наиболее частотные биграмы с прилагательным *невменяемый* по данным Google Books Ngram Viewer.

Fig. 2. Trends in *nevmenyayemyu* 2-grams according to Google Books Ngram Viewer

Интересным представляется корреляция между характером дистрибуции и появлением элемента оценочности в лексико-семантических вариантах прилагательного *невменяемый*. Так, в дистрибутивном типе 1(а), (б) признаковая лексема приобретает слабое пейоративное значение, связанное с реализацией коммуникативной тональности иронии (1), насмешки, пренебрежения при появлении маркеров градуированности признака, служащих, в терминологии Дж. Лакоффа, своеобразными коммуникативными «ограждениями» для говорящего, снижая уровень его ответственности за произносимое [Lakoff, 1973] – *эдакий, большей частью, наполовину, в некоторой степени, в определенной степени, слегка, эдакий, не-сколько*:

(1) *Карлсон – еще один слегка невменяемый герой. Клинический случай закоренелого холостяка. Живет невесть где на крыше. С Малышом познакомился по несколько забавной причине: ему просто захотелось, чтобы кто-нибудь, когда он будет пролетать мимо, крикнул ему: «Привет, Карлсон!»* (Н. Навроцкая. Выйти замуж... за принца? // Психология на каждый день, 2010. – НКРЯ).

В таких «градуированных» высказываниях *невменяемый* предстает как синоним прилагательных *странный, чудаковатый*, указывающих на некоторую степень девиантности поведения объекта описания с точки зрения говорящего.

В дистрибутивном типе 1(в) *невменяемый*, сочетаясь с существительным с ситуативной, но выраженной отрицательной коннотацией (поскольку *шизофреник* (2) может считаться лексемой с негативной коннотацией только в контексте конфликтной коммуникации, как в указанном примере, где *шизофреник* употребляется в одном ряду с *псих* и *эгоист* как инвектива, а, например, в медицинском дискурсе – нет), выполняет не собственно оценочную функцию, но служит интенсификатором признака ‘быть за пределами психической и социальной нормы’, выраженного в семантике лексемы *шизофреник* в данном употреблении:

(2) *Ты оказался не готов к семейной жизни. Ты инфантильный, невменяемый шизофреник. Тебя лечить надо! Ты псих! И эгоист с большой буквы «Э»* (В. Спектр. Face Control (2002). – НКРЯ).

Подобное предыдущему значение интенсификатора признака (а не оценки) – ‘сильная степень переживания какого-либо чувства’ – *невменяемый* приобретает в дистрибутивной модели 3, где прилагательному предшествуют шифтеры условности, «альтернативного мира» как, *будто, словно* (3):

(3) Я была как *невменяемая*: ни о чем думать не могла, кроме как о возлюбленном (Т. Орлова. Ловушка для ящериц // Октябрь, 2003. – НКРЯ).

Наконец, выраженную пейоративность лексема приобретает только в сочетаниях, относящихся к 5-му типу дистрибуции, если позицию N занимает одушевленное существительное во множественном числе или собирательное/абстрактное существительное, в семантике которых значительную роль играет метонимический перенос. Ср. употребление *невменяемый мир* (5) – мир невменяемых людей, мир, в котором живут невменяемые люди:

(4) К тому же в этот раз «Русская Академия развлечений» (организатор) назвала *кучу невменяемых охранников* (В. Полупанов. Сиди и слушай... но с умом // Аргументы и факты, 2001, 7 марта. – НКРЯ).

(5) Так что, когда девушка взлетает в небо и сгорает в самолете, вы это воспринимаете не столько как реальную драму, сколько как метафору: *ледяной ангел сложил крылья и покинул наш невменяемый мир* (Л. Аннинский. Блицкритика. Горющее небо // Искусство кино, 2003, 30 июня. – НКРЯ).

В контекстах (4)–(5) прилагательное употребляется в значении близком к ‘неадекватный, контакт с которым доставляет социальный дискомфорт’.

Итак, подведем предварительные итоги:

- *невменяемый* преимущественно преддицирует состояние (дистрибутивные типы (1)–(3)), которое может быть представлено градуированно, реже – качество в именных группах;
- субъектом такой предикации в подавляющем большинстве случаев (277 из 282 употреблений по основному подкорпусу НКРЯ) является человек, а для характеристики обобщенных субъектов или абстрактных понятий прилагательное используется крайне редко (пять употреблений), преимущественно в контекстах, где присутствует метонимический перенос;
- в ядерных употреблениях прилагательное *невменяемый* само по себе не имеет оценочной коннотации, но может ее приобретать под влиянием общей иронической тональности высказывания либо в контекстах, в которых наблюдается определенный семантический сдвиг, приводящий к ослаблению связи с идеей индивидуального психического статуса человека: при одушевленном существительном во множественном числе, собирательном существительном либо при существительном абстрактной семантики;
- *невменяемый* приобретает интенсифицирующие значения сильной степени переживания чувства в конструкциях с шифтерами условности и сильной степени отклонения от психической и социальной нормы поведения в сочетании с инвективами, одновременно функционирующими в медицинском дискурсе в качестве терминов.

Анализируемое прилагательное в его общеупотребительных для повседневной русской речевой практики значениях оказывается тесно связанным с его первичной узкоспециальной семантикой в судебной психиатрии и юриспруденции и продолжает использоваться для обозначения внутреннего состояния, с чем связано обнаруженное нами его «интенсифицирующее» значение, тенденция к нулевой оценке, а также слабое развитие оценочного значения в сочетаниях с одушевленными существительными во множественном числе – в патологические состояния люди впадают индивидуально, поэтому множественный или коллективный субъект качества сразу придает употреблению переносный характер.

2.2. Лексическая дистрибуция прилагательного *вменяемый*. Обсуждаемое прилагательное, как показывают наблюдения за корпусом, встречается в четырех основных типах дистрибуций:

1(а). *Вменяемый* N_{им.} V

«Вменяемые» раскольники оставались на Чусовой и Сылве (А. Иванов. Message: Чусовая. Ч. 4-5 (2007). – НКРЯ).

1(б). Ни один *вменяемый* N¹_{им.} не V_{буд.} N²

*Потому что ни один **вменяемый** родильный дом ни одной **вменяемой** страны не даст разрешения на подобные съёмки* (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010). – НКРЯ).

1(в). Любой *вменяемый* N_{им.} V

*Любой **вменяемый** человек, имеющий «человеческий капитал» хотя бы в виде крепких рук и ног, пойдёт такое предложение подалеже: на разгрузке вагонов можно заработать лучше, не говоря уже об иных, менее невинных занятиях* (К. Крылов. Национальная безопасность // Спецназ России, 2003, 15 янв. – НКРЯ).

2. N¹_{им.} V *вменяемый*_{вин.} N²_{вин.}

*Власть спокойно поставит во главе великого города **вменяемого**, лояльного и дееспособного человека* (А. Архангельский. С волками – жить // Известия, 2003, 3 марта. – НКРЯ).

3. Один *вменяемый* N_{им.} V_{существования}

*Один **вменяемый** хирург попался через неделю нашего там пребывания, он всё разлепил и спас ребёнка от операции, там мы ещё и со стафилококком оттуда вышли* (Форум о медицинской диагностике (2010). – НКРЯ).

4. N¹_{им.} V_{связка} *вменяемым* N²_{твор.}

*Однако при всем том **Сталин был безусловно **вменяемым** человеком** и ясно отдавал себе отчет в своих действиях* (Р. Медведев. О Сталине и сталинизме. Исторические очерки // Знамя, 1989. – НКРЯ).

При анализе вышеперечисленных дистрибуций отчетливо становится видна тенденция к вхождению прилагательного *вменяемый* в группу агентивного (дистрибуция 1(а)–(в)) подлежащего либо в группу прямого дополнения, на которое переходит/направлено действие агента. Таким образом, *вменяемый* уже по дистрибутивным возможностям обнаруживает свою основную семантическую функцию – обозначать не внутреннее состояние человека, а его признак как субъекта участвующего (в качестве агента, бенефициара, пациента и др.) в социальной интеракции. Именно интересубъектный, связанный с социальной деятельностью, характер семантики прилагательного *вменяемый* позволяет ему легко употребляться с неодушевленными существительными, обозначающими результаты социальной интеракции: *вменяемый диалог, **вменяемая** информация, **вменяемый** комментарий, **вменяемая** цена, **вменяемая** политика, **вменяемый** механизм* (6), *вменяемый проект* (7) и т. д.

(6) *Не видно и силы, способной предложить **внятный** и **вменяемый** механизм взаимодействия на мировой арене, взаимодействия контролируемого и предсказуемого* (В. Иноземцев. Мир после распада империй – и снова един? // Знание – сила, 2005. – НКРЯ).

(7) *Citadel Records, 2003 **Вполне **вменяемый** электронный проект**. Здесь нашлось место и хаусу, и трип-хопу, и easy listening, и даже чему-то вроде ambient;*

ну и не без поющих хором бабушек – это уже, *tuna, world music* (Х. Ботаник. Байда: Музыка // Хулиган, 2004, 15 июня. – НКРЯ).

Вменяемый в примерах (6), (7) – соответствующий предвосхищениям и ожиданиям партнеров по социальной интеракции: политических деятелей (6), музыкантов и их слушателей (7).

Обращает на себя внимание рекуррентность в речевой практике дистрибутивных типов 3 и 1(б),(в) с кванторными словами *один / ни один* (двойное отрицание), *любой, всякий* (8)–(12):

(8) *Было ясно, что ни один вменяемый политик не посоветует ему пойти на одностороннее провозглашение независимости* (В. Белаш. Организатор освобождения Палестины // Коммерсантъ-Власть, 1999. – НКРЯ).

(9) *В реальной жизни ни один вменяемый менеджер не рискнет идти на эту самую модернизацию (в индустриальном мире теперь говорят – на реинжиниринг), пока суровая необходимость не подступит к самым очам* (Д. Орешкин. Игра в праймериз // Огонек, 2014. – НКРЯ).

(10) *Хорошо еще, что среди министров нашелся один вменяемый человек, дон Аламан* (А. Бушков. Русская Америка: слава и позор. – НКРЯ).

(11) *Любой вменяемый, думающий человек способен дойти до всего сам: Алексей Гисак, сооснователь сети латиничных «Воккер», вывел формулу идеального фастфуда*⁷.

(12) *Ныне всякий вменяемый человек задаётся вопросом – откуда в русской речи, упрощённой, признаем, весьма, бытовой и лишённой какой-либо абстракции и экзистенции, появились столь витиеватые обороты как «божествование» и «долженствование»?*⁸

В данных контекстах, на наш взгляд, обнаруживается важная функция прилагательного *вменяемый* – служить оператором универсального движения мысли от общего к частному и от частного к общему, лежащего в основе речевой деятельности [Костюшкина и др., 2006, с. 13]. Г. Гийом [Guillaume, 1984] показал, как артикль во французском языке выполняет подобную функцию. Исследователь использовал следующую схему (рис. 3), где вектор, движущийся сверху вниз к точке S₁, называется вектором индивидуализации, а вектор, движущийся снизу вверх от точки S₂, называется вектором генерализации.

Согласно данной теории, выбор говорящим артикля (определенного, неопределенного, частичного) свидетельствует о том, в какой точке «движения мысли» на пути от общего к частному или, наоборот, от частного и конкретного к все более обобщенному говорящий зафиксировал свое внимание. Иначе говоря, виртуальное имя благодаря артиклю превращается в актуализированное; артикль показывает, какая часть объектов данного класса имеется в виду в акте речи – от одного конкретного до генерализованного множества.

Соотнося данную идею с понятиями современной когнитивистики, мы можем констатировать, что, например, концептуализация, понимаемая как процесс выделения минимальных единиц человеческого опыта и их представления [Краснова, 2011, с. 99], соотносится с вектором индивидуализации – нечто трудное для понимания, имеющее размытый когнитивный статус, конкретизируется благодаря некоторой ясной форме представления (например, язык долгое время концептуализировался в лингвистических трудах как контейнер). Понятие же категоризации сопоставимо с вектором генерализации, поскольку находящаяся в фокусе внима-

⁷ URL: <https://www.kommersant.ru/gallery/2614276> (дата обращения 25.07.2017).

⁸ URL: <http://a-vituhnovskaya.livejournal.com/753582.html> (дата обращения 25.07.2017).

ния сущность, благодаря неким признакам и характеристикам, общим с другими явлениями, включается в некоторый более объемлющий класс сущностей.

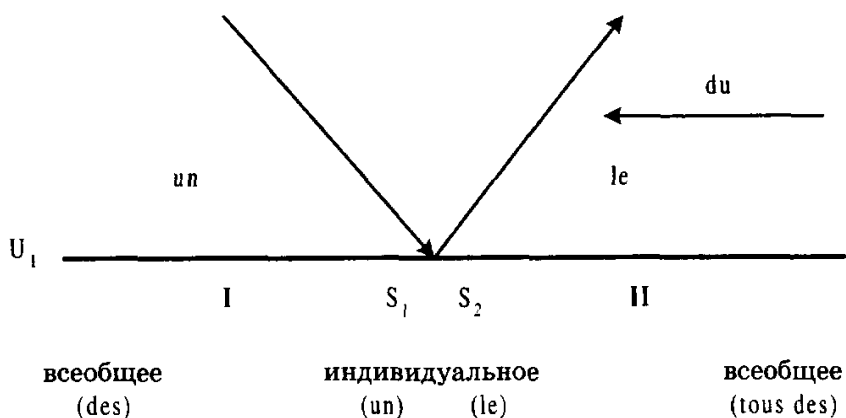

Рис. 3. Теория индивидуализации/генерализации Г. Гийома [Гак, 2000, с. 168]
 Fig. 3. Guillaume's theory of individualization/generalization [Gak, 2000, p. 168]

Будучи приложена к примерам (8)–(12), данная схема дает возможность рассмотреть конструкции типа «нашелся один вменяемый $X_{\text{номинация}}$ по признаку профессиональной деятельности» как реализацию вектора индивидуализации, отражающего движение от обобщенного и размытого представления о норме социальной интеракции в некотором профессиональном сообществе (политиков, менеджеров, хирургов и т. д.) к конкретному примеру реализации этой нормы – министр, совершающий действия, адекватные изменениям политической обстановки и нормам социальной интеракции (10); хирург, поставивший диагноз сообразно симптомам (пример дистрибутивного типа (3)) и т. д.

И наоборот, конструкции типа «ни один вменяемый не + глагол / всякий вменяемый / любой вменяемый + глагол» расположены на векторе генерализации, поскольку они позволяют обобщить конкретную ситуацию, представив ее как модель, воплощение категории нормы (в дескриптивном смысле – как совокупность наиболее распространенных и привычных практик) социальной интеракции в профессионально-социальном сообществе. Одновременно все другие ситуации и положения дел, не соответствующие данной модели, отсекаются в категорию «не-нормы»: в политике провозглашение независимости страны при поддержке и согласии других стран – норма, а соответственно, одностороннее провозглашение независимости – не-норма (8); для сообщества менеджеров нежелание модернизировать производство – норма, а обратное – не-норма (9); способность доходить до всего самому – норма современного бизнес-сообщества, жизнь по чужой подсказке – не-норма (11); не употреблять божествование и долженствование в речи – норма для сообщества носителей русского языка, их употребление – не-норма (12).

Таким образом, *вменяемый* выступает как оператор категории нормы, выполняющая когнитивные функции концептуализации и категоризации социальных сущностей относительно представлений о норме адекватного взаимодействия в рамках социума.

Наконец, с функцией оператора категории нормы связана и выраженная позитивная оценочность обсуждаемого прилагательного, подтверждения чему нахо-

дим не только в контекстах употребления, но и в метаязыковых рассуждениях рядовых носителей языка – ср. мнение на сайте Ответы mail.ru:

Вменяемый пацан – так говорят о том, который нравится, а если сам так о себе говорит, то хвастается.

Вменяемый – это не ругательство, а комплимент⁹.

Заключение

В заключении представим эскиз возможного словарного описания семантики двух анализируемых прилагательных и сформулируем ответы на поставленные в начале статьи исследовательские вопросы.

Возьмем на себя смелость высказать несколько предложений относительно возможного семантического описания для данных двух прилагательных в их узком для современной русской речевой практики употреблении.

Невменяемый:

I. Y может *так* охарактеризовать X-а, который, по его мнению, имеет патологические или физиологические временные психические отклонения, например, под воздействием алкоголя или наркотиков.

II. Будучи психически нормальным, Y может сам *так* охарактеризовать испытанное им сильное эмоциональное переживание или *так* могут описать данное переживание наблюдавшие его люди, чтобы подчеркнуть глубину эмоции.

III. Y может *так* иронически, саркастически, критично охарактеризовать X-а, поведение которого представляется ему отклоняющимся *в той или иной степени* от принятых в данном сообществе норм.

IV. *Такими* могут казаться Y-ку несколько X или группы X-ов, с которыми некомфортно и неприятно вступать в социальное взаимодействие, а также пространство, где такие люди находятся.

Вменяемый:

I. Y может *так* охарактеризовать X-а, который, по мнению Y-ка, трезво оценивает ситуацию, принимает взвешенные решения.

II. Y *так* оценивает социального субъекта X, который понимает и разделяет нормы взаимодействия в социально-профессиональном коллективе, членом которого X является.

III. Используя кванторные слова со значением единичности, Y может охарактеризовать *так* X-а, чтобы подчеркнуть соответствие его поведения нормам социального взаимодействия в данном социoproфессиональном коллективе на фоне несоответствия остальных.

IV. Используя кванторные слова со значением единичности и двойное отрицание или кванторы всеобщности, Y может охарактеризовать *так* ситуацию, чтобы подчеркнуть границу «нормы» и «не-нормы» в рамках социального взаимодействия в данном социoproфессиональном коллективе.

V. Y может охарактеризовать *так* объект или феномен X, если он соответствует ожиданиям некоторой социальной общности или является приемлемым в данной ситуации.

Таким образом, проведенный дистрибутивный и семантический анализ употреблений прилагательных в русской речевой практике показывает, что данные признаковые языковые единицы обнаруживают тенденцию к расширению спектра актуализируемых значений от узкоспециального 'находящийся в таком психическом состоянии, при котором нельзя (*невменяемый*) / можно (*вменяемый*) вменить в вину проступок, преступление' к обозначению качеств представителей какого-либо социума или характеристик социальной интеракции. При этом *невменяемый*

⁹ <https://otvet.mail.ru/question/14665774>

сохраняет более тесную связь с первичным значением, апеллирующим к представлению об отклонении от психической нормы человека, что обуславливает его более «мягкое», практически незаметное металингвистическому сознанию языкового коллектива семантическое «скольжение» от значения I к значению IV. *Вменяемый* же в силу быстрого семантического развития практически утратил свою связь с идеей психической нормы, все более заметно апеллируя к нормативным моделям адекватной, гибко приспособляющейся к изменениям окружающего мира социальной интеракции, категоризируя субъекта как соответствующего таким моделям поведения (значения II–IV), а объект – как результат действия в рамках такой модели поведения (значение V).

Иначе говоря, отвечая на вопрос о том, апеллируют ли обсуждаемые прилагательные к одной или разным «нормам», вероятнее всего, следует говорить о метонимическом расширении концепта *НОРМА* – от концептуального признака I ‘здоровая психика без патологических отклонений’ через II представление о внешних проявлениях такой нормы в поведении человека к признаку III ‘адекватная социальная интеракция и ее результаты’. В таком случае оба прилагательных апеллируют к одному концепту, будучи преимущественно сфокусированы на разных его признаках: *невменяемый* апеллирует к признаку I, фокусируясь на его невыраженности (∅ признак), и к признаку II – внешние признаки патологии, а *вменяемый* – к признаку III.

Представляется, что прилагательное *вменяемый* обязано своей частотностью, несмотря на апелляцию к норме, а не к аномалии, двум факторам: во-первых, прилагательное выступает как оператор нормы социальной интеракции, выполняя функции концептуализации и категоризации объектов и субъектов относительно данной нормы; во-вторых под действием первого фактора *вменяемый* имеет широкое поле лексико-семантических вариантов – от ‘трезво мыслящий’ (*вменяемые туристы не пойдут по этому маршруту*), ‘понимающий и разделяющий нормы взаимодействия в данном социальном коллективе’ (*вменяемый политик, менеджер, врач*) до ‘соответствующий ожиданиям’ (*вменяемый проект*), ‘приемлемый’ (*вменяемая цена*).

Именно в силу большого семантического объема, организованного вокруг представления о нормативной социальной интеракции, а также по причине ослабления связи с первичным значением, на наш взгляд, трактовка семантики обсуждаемого прилагательного вызывает «интерпретативные сомнения» носителей языка.

Список литературы

- Апресян Ю. Д.* Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Прагматика. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000.
- Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика. М.: КомКнига, 2007.
- Костюшкина Г. М., Озонова Л. Г., Попова А. А., Федотова М. А., Фетисова С. А., Фофин А. И., Эрдынеева Д. В.* Концептуализация и категоризация в языке. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. лингвистического ун-та, 2006.
- Краснова Т. И.* Другой голос: анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917–1920 (22) гг. / Под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб.: Северная звезда, 2011.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
- Масевич А. Ц., Захаров В. П.* Опыт корпусно-ориентированного историко-культурного исследования исторической и политической лексики // Библиосфера. 2016. № 2. С. 47–55.

Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1987.

Guillaume G. Langage et science du langage. Paris: Librairie A.-G. Niset; Quebec: Presses de l'Université Laval, 1984.

Lakoff G. Hedges: a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. Vol. 2. P. 458–508.

A. V. Kolmogorova

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation, nastiakol@mail.ru*

**Conceptualization of norm in language:
from norm of psychic state to the social interaction norm
(as based on Russian adjectives “vmenyayemyy” and “nevmenyayemyy” analysis)**

The paper focuses on the semantic description of Russian adjectives related to the notion of the psychic norm – *vmenyayemyy* ('mentally healthy, able to act consciously') and *nevmenyayemyy* ('mentally insane, unable to be responsible for his actions'). Originally used in the forensic examination discourse, both lexemes were successfully integrated into less specific areas of Russian communicative practice. This study applies the methodology of distributive, contextual and semantic analysis of lexemes concerned to describe their meanings in politic, publicist, consumerist discourses, everyday small-talk practice and modern fiction texts. Our research corpus includes 220 utterances with *vmenyayemyy* and 282 – with *nevmenyayemyy* extracted from the National Corpus of Russian Language, supported by examples from Internet resources and statistic data on the lexemes' frequency displayed by Google Books Ngram Viewer service.

The author describes five distributive types of *nevmenyayemyy* and four common distributions of its antonym and proposes a draft of their general semantic interpretation. The results also show a metonymic extension of the concept of norm deeply implicated in the semantics of adjective *vmenyayemyy*: from primary idea of a normal psychic state through its behavioural manifestations to a vast notion of socially expected and anticipated interaction and its results. Thus, *vmenyayemyy* acquires the new function of the norm operator allowing native speakers to categorise the complex world of reality into two classes of entities: the one that corresponds to the norm of social interaction, and the one that does not. Such functional transformation results in more frequent use of this lexeme.

Keywords: lexical-semantic variants, individualization, generalization, Russian speech practice, conceptualization of norm and anomaly, lexicographical description of adjectives.

DOI 10.17223/18137083/66/19

References

Apresyan Yu. D. *Issledovaniya po semantike i leksikografii*. T. 1: Pragmatika [Researches on semantics and lexicography. Vol. 1: Pragmatics]. Moscow, LRC Publ. House, 2009, 568 p.

Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Human's language and world]. Moscow, LRC Publ. House, 1999, 896 p.

Gak V. G. *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of the French language]. Moscow, Dobrosvet, 2000, 831 p.

Guillaume G. *Langage et science du langage*. Paris, Librairie A.-G. Niset, Quebec, Presses de l'Université Laval, 1984.

Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, KomKniga, 2007, 352 p.

Kostyushkina G. M., Ozonova L. G., Popova A. A., Fedotova M. A., Fetisova S. A., Fofin A. I., Erdyneyeva D. V. *Kontseptualizatsiya i kategorizatsiya v yazyke* [Conceptualization and categorization in language]. Irkutsk, ISLU Publ., 2006 p.

Krasnova T. I. *Drugoy golos: analiz gazetnogo diskursa russkogo zarubezh'ya 1917–1920* (22) gg. [Another voice: Analysis of the newspaper discourse of the Russian abroad 1917–1920 (22)]. L. R. Duskayeva (Ed.). St. Petersburg, Severnaya zvezda, 2011.

Lakoff G. Hedges: a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*. 1973, vol. 2, pp. 458–508.

Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency dictionary of the modern Russian language (the National Corps of the Russian Language)]. Moscow, Azbukovnik, 2009.

Masevich A. Ts., Zakharov V. P. *Opyt korpusno-oriyentirovannogo istoriko-kul'turnogo issledovaniya istoricheskoy i politicheskoy leksiki* [Corpus-based approach to the historical and political vocabulary cultural analysis]. *Bibliosfera*. 2016, no. 2, pp. 47–55.

Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian language dictionary]. N. Yu. Shvedova (Ed.). 18th ed. Moscow, Rus. yaz., 1987, 797 p.